

50 лет со дня смерти Антона Павловича Чехова

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Гениальный художник слова

«Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное».

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

А. П. Чехов.

Мелихово
сегодня

Молодые дубовые и березовые рощицы, крутые склоны оврагов и холмов, поля и луговые луга со всех сторон окружают Мелихово.

Хотя село находится в десяти километрах от железной дороги, в эти дни здесьлюдно и оживленно. По тропинкам, проселочным и шоссеиным дорогам идут многочисленные экскурсанты, чтобы посмотреть музей-усадьбу А. П. Чехова.

Небольшую подмосковную усадьбу в Мелихове Антон Павлович приобрел в 1892 году.

«Тут все в миниатюре: маленькая липовая аллея, пруд величиной с аквариум, маленькие сад и парк, маленькие деревья, но пройдешься раз-другой, выглядишь — и впечатление маленького исчезает. Очень просторно, несмотря даже на близкое соседство деревни». Так характеризовал Антон Павлович свою усадьбу шестьдесят два года тому назад в одном из писем к своим друзьям.

Впечатление миниатюрности усадьбы сохраняется и теперь. Небольшие аллеи посыпаны желтым песком и обсажены цветами, которые очень любил Чехов.

В левой части сада, почти скрытый кустами, стоит серый с белыми наличниками флигель. Чехов построил его для друзей, часто приезжавших в Мелихово, а потом перенес туда свой рабочий кабинет и спальню.

На стене домика — мемориальная доска: «В этом флигеле летом 1896 г. Антон Павлович Чехов написал пьесу «Чайка»».

В первой комнате — небольшая выставка: портреты в групповые снимки посетителей Мелихова, крутей писателя — Немировича-Данченко, Ливитана, жены Чехова — Кнунипер-Чеховой, Шепкиной-Куперник, Мизиновой; фотокопия письма Немировича-Данченко Чехову с просьбой отдать «Чайку» Художественному театру; режиссерский экземпляр «Чайки». Привлечены слова Немировича-Данченко о том, что в «Чайке» все навеяно Мелиховом.

Теплыми, возлюбленными словами рассказывают посетители о своих чувствах и мыслях, возникающих в Мелихове. Участники литературного кружка Центрального Дома культуры железнодорожников Е. Зубова написала о своих впечатлениях стихами:

Отсюда крыльями взмахнула «Чайка»,
Чтоб пелый мир огромный облететь.

Здесь каждый куст нам говорит о нем.
По этой липовой аллее он ходил,
Здесь он сидел с раскрытой книжкой
И ласково и просто говорил
Вот с этим стариком,
Тогда еще мальчишкой.

Этот мальчишка, теперь 70-летний старик Симанов Михаил Прокофьевич. — сторож музея-усадьбы. Бережно хранит он в памяти и охотно делится с посетителями воспоминаниями об Антоне Павловиче. Он часто повторяет:

— Ведь мы раньше не знали, что он писатель. Доктор и доктор. Разве б так нужно было его хранить? Помню, как сейчас, только еще он приехал, идет по селу, а мужики ему говорят: «Здравствуйте, барин». А Антон Павлович в ответ: «Я не барин, а доктор». И с тех пор мы все каждый со своей докукой к нему... До приезда Чехова у нас в селе не было ни одной школы. Антон Павлович построил три школы: одну у нас и две в соседних селах.

Мелиховские годы в жизни Чехова — время полного расцвета его дарования, период больших творческих успехов. Здесь им написаны «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Ионыч», «Черный монах», «Мужики» и другие произведения.

И. ОСЬМИНИНА.

Исполнилось пятьдесят лет со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова. Его имя принадлежит к числу бессмертных имен выдающихся деятелей мировой культуры. Все прогрессивное человечество видит в нем замечательного художника слова, истинного поборника правды, вдохновенного певца трудовых людей.

Советский человек знакомится с Чеховым еще на школьной скамье. В дальнейшем перед ним все шире и шире раздвигаются границы чеховского гения. Мы видим Чехова на сцене театра, на экране кино, слышим по радио и с душевным волнением встречаем каждое новое издание его книг. Мы пленяемся силой его поэзии, прелестью языка, мастерством художественного изображения. Творчество Чехова — одно из высочайших достижений русского искусства, гордость народов нашей страны.

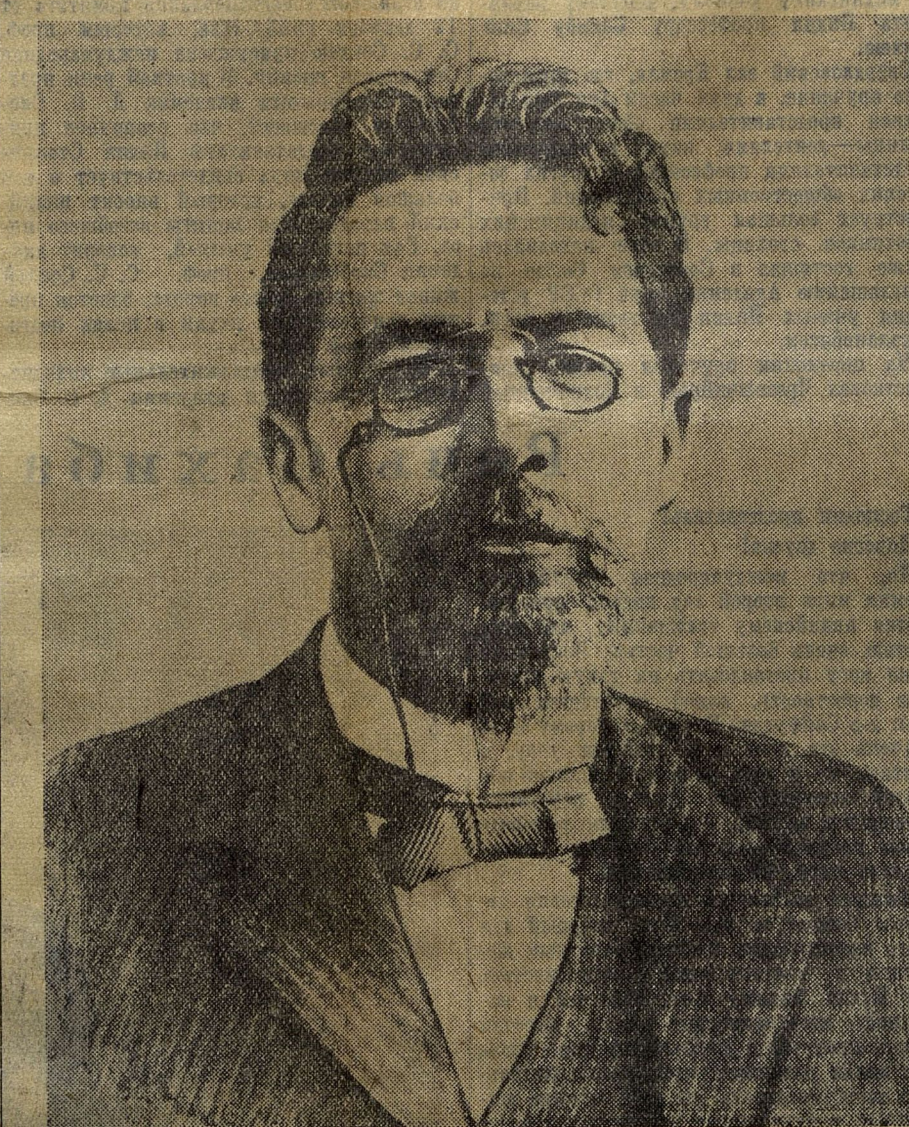
Чехов родился в 1860 году, в Таганроге. Здесь он начал трудовую жизнь. Отец писателя, происходивший из крестьян Воронежской губернии, приказчик у купца, а потом владелец бакалейной лавки, разорился, когда Чехову было шестнадцать лет. С этого времени Чехов живет самостоятельным трудом. Мальчик в бакалейной лавке отца, а с шестнадцати лет — домашний учитель у богатых купцов, бегавший по грошевым урокам. Чехов имел право сказать, что в детстве у него не было детства.

В 1879 году Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета, а в следующем году напечатал свои первые рассказы.

В трудное время начал Чехов литературный путь. За два года до того умер Некрасов, в ссылке были Чернышевский и молодой Короленко. Передовая литература испытывала неимоверный гнет цензуры. Царское правительство жестоко расправилось с революционным народничеством, а само народничество выродилось в жалкое, захудалое, либеральное направление. Среди буржуазной интеллигенции стала модной теория «малых дел», земских реформ, которые ничего существенного не могли внести в жизнь общества. Чехов должен был выступать в небольших юмористических журнальчиках, ставивших себе целью удовлетворять незатейливые запросы обывателя. За несколько лет молодой писатель приобрел известность талантливого юмориста, автора небольших по размеру рассказов, смешных фельетонов. Это была пора Антона Чехова, как подписывался тогда писатель под своими рассказами. Но сквозь смешные эпизоды и курьезные детали, на которые молодой Чехов был вынужден, наиболее чуткие современники улавливали нечто более значительное, понимая, как тонко и сильно художник разоблачает ложь и лицемерие буржуазного общества.

В одном из ранних своих рассказов «За яблочком» Чехов вывел омерзительную фигуру самодура-помещика, не имеющего права называться человеком. Чехов показывает полицейского надзирателя Очумелова, который, уподобляясь хамелеону, меняет свое суждение о законе в зависимости от личной выгоды («Хамелеон»). Галки ложь и угодничество помещика перед богатой соседкой-генеральшей («Симулянт»). Отвратительно-рабское поведение «тонкого» человека из рассказа «Толстый и тонкий», подхалимство чиновников из «Маски», которые, забыв о человеческом достоинстве, раболепствуют перед миллионером. Чехов освободил жанр маленького юмористического рассказа от мешанской пошлости и поднял его на уровень большой прогрессивной литературы.

Чеховский талант проявился с особой силой в рассказе «Унтер Пришибеев» и в еще более совершенном рассказе «Человек в футляре». С тех пор, как появился «Унтер Пришибеев», начали употреблять слово, рожденное Чеховым, — «пришибеещина». Нарочитым стал образ Бели-

кова — «человека в футляре» — выражающий обывательскую трусость перед всем новым, боязнь живой жизни, ненависть к молодому, сильному, смелому. Повторка Беликова «как бы чего не вышло» стала определенным животным страхом перед движением вперед, выражением тупого желания остановить жизнь.

Уже в первых рассказах писателя обнаруживается сочетание смеха и грусти, которое в дальнейшем окрасится в тона особенной, свойственной только Чехову, печали. Печальна судьба Ваньки Жукова, пославшего письмо без адреса — «На деревню дедушке». Ужасно положение толкаря Григория Петрова, замечательного мастера, потерявшего руки и сразу ставшего никому не нужным, пропавшим человеком. Трагична жизнь героини рассказа «На подворье», сельской учительницы, силы которой ушли на мелкие работы «о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях» и у которой отнято даже право утешать себя мыслью, что она служит народу. Страшную правду о жизни крестьян сказал Чехов повестью «Мужики» и «В овраге», развернув потрясающую картину беспрерывной нужды деревенской бедноты, звериной жестокости богатеев, картину страданий, невежества и душевных мук.

Высмеивая пороки современного ему общества, Чехов пишет о труде, облагораживающем человека. «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был», — говорит Ирина в пьесе «Три сестры», — и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторг». «Праздная жизнь не может быть чистой», — утверждает Астров из пьесы «Дядя Ваня».

Мы находим в творчестве Чехова полную галерею портретов людей труда. Показывая их роль в развитии общества, в создании культурных ценностей, он рисует благородство их души, обаяние их личности. «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основа-

тельную мысль о решительном преобразовании общества, о красоте человеческой жизни в будущем. Человеку нужно не три аршина земли, — писал Чехов в рассказе «Крыжовник», — не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Чем дальше, тем сильнее и полнее звучит у Чехова вера в неизбежный приход новой жизни, в рассвет нового дня. Устами своего героя он говорил в «Трех сестрах»: «...готовится взорваться, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слух с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!».

Творчество Чехова, направленное против буржуазно-помещичьего строя, разоблачающее пошлость и мертвиную застойную обывательскую жизнь, было проникнуто духом жизнеутверждения и огромной любви к людям. Чехов ярко показал стремление людей к будущей свободной жизни.

По свидетельству многих современников писателя, он в последние годы жизни, уже больной, прикованный к постели, проявлял глубочайший интерес к надвигающимся революционным событиям. Не случайно была его близость к Горькому, революционное значение творчества которого ярко обнаружилось уже при жизни Чехова.

Чехов не представлял себе конкретных путей и движущих сил революции, но его письма тех лет и воспоминания современников свидетельствуют о горячем желании понять характер нового общественного подъема, о глубоком интересе к тем новым силам, которые вступали на историческую арену.

Советское литературоведение опровергло ложь буржуазной критики об общественной пассивности Чехова, о его безразличии к вопросам современности и установило подлинное научное понимание его творчества.

Чехов разработал и утвердил новую литературную форму, форму короткого психологического рассказа, а своими пьесами создал новый, чеховский театр, изгнав со сцены все театральное-условное, нежизненное. Рассказы и повести Чехова лишены пространственных описаний, ненужных подробностей в характеристике героев. В его рассказах человеческие переживания выражены в предельно экономайной, простой и ясной форме. «Как стилист», — писал Горький, — Чехов недосытаем, и будущий историк литературы, говоря о роде русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов».

В развитии русской общественной жизни Чехову принадлежит особое место. Он занимался исследованием Сахалина, который в царское время был местом каторги и ссылки, участвовал в народной переписке, заболел о постройке школ, работал врачом в деревенской больнице.

Вместе с Е. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко А. П. Чехов участвовал в создании программы молодого тогда Московского Художественного театра.

Пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова по решению ноябрьской сессии Всемирного Совета Мира отмечается во всех странах. В этом выражено признание Чехова сотнями миллионов людей, для которых он является не только великим художником, но другим и соратником в борьбе за мир, против человеческой несправедливости тех, кто готовит массовое уничтожение народов. Все, кому дороги завоевания мировой культуры, кто хочет, чтобы мир процветал во всем мире, кто борется за то, чтобы никогда не возникало больше уничтожающие памя войны, тот чтит память великого сына русского народа Антона Павловича Чехова.

А. КОТОВ.

«...Как богата, разнообразна русская жизнь. Ах, как богата! Знаете, я с каждым днем все более убеждаюсь, что мы живем накануне величайшего торжества, и мне хотелось бы дожить, самому участвовать».

А. П. Чехов.

Чехов в Ясной
Поляне

В начале августа 1895 года, когда Толстой работал над романом «Воскресение», в Ясную Поляну приехал Чехов.

Н. П. Пузыря, научный сотрудник музея Л. Н. Толстого, в подготовленной к печати работе о пребывании Чехова в Ясной Поляне так описывает это событие:

«Вечером, в день приезда Чехова, Толстой небольшого круга лиц — своих домашних и гостей, собравшихся в зале Яснополянского дома, читал главы тогда еще незаконченного романа «Воскресение». Среди слушателей, кроме Чехова, были писатели Сергей Терентьевич Семенов, Николай Николаевич Страхов и живший в этот год в Ясной Поляне композитор Сергей Иванович Танеев».

После двухчасового чтения, во время которого Чехов слушал чрезвычайно внимательно, в кабинете Толстого завязалась оживленная беседа. Чехов принял горячее участие и сделал ряд замечаний, с которыми Толстой вполне согласился».

Это был единственный приезд Антона Павловича в Ясную Поляну. Два великих писателя ходили в парк, к реке Воронеж.

«Я чувствовал себя легко, как дома, — вспоминал потом Чехов в одном из писем, — и разговоры наши с Львом Николаевичем были легки».

После отъезда Антона Павловича Толстой сообщил своему сыну:

«Чехов был у нас и он понравился мне. Он очень даровит и сердце у него, должно быть, доброе».

Впоследствии Антон Павлович всем сердцем стремился в Ясную Поляну, но приезд не состоялся...

Дружба двух замечательных художников слова непрерывно крепла. Толстой высоко ценил талант Чехова, назвав его «Пушкиным в прозе».

«Чехова он любил, и всегда, глядя на него, точно глядя лицо Антона Павловича взглядом своим, почти нежным в эту минуту», — пишет Горький в своих воспоминаниях.

Работая в Ясной Поляне над «Кругом чтения», Толстой включил в него два рассказа Чехова — «Душечка» и «Беглец». В первом он написал в 1905 году послесловие, где отмечал высокие художественные достоинства этого рассказа.

Горячей любовью отвечал Толстому и Чехов.

В чеховские дни в Ясной Поляне открылась выставка «Толстой и Чехов». Ее уже посетили тысячи посетителей. В одной из комнат литературного музея взгляд привлекают два больших знакомых портрета великих писателей. Рядом в рамках — отзывы автора «Войны и мира» о Чехове и автора «Витиевого сада» о Толстом. Внизу, на большом стекле за стеклом — книги Чехова с карандашными пометками Льва Николаевича.

Большой интерес представляют портреты Льва Николаевича, подаренные им Чехову, и красочные иллюстрации. Вот портрет с надписью: «Дорогому Антону Павловичу Чехову. Лев Толстой». Вот картина Л. О. Пастернака, показывающая уголок зала Яснополянского дома, где Толстой читал вслух произведения Чехова. Один из больших фотоснимков, в котором А. П. Чехов писал О. Л. Кнунипер: «С. А. Толстая сняла Толстого и меня на одной картонке, я выпрошу у нее и пришлю тебе».

Ежедневно тысячи посетителей приезжают в Ясную Поляну. С глубоким интересом осматривают они экспонаты музея, все места, связанные с жизнью и творчеством Антона Павловича Чехова и его дружбой с Львом Толстым.

Г. ВОСКРЕСЕНСКИЙ.
ТУЛА. (Корр. «Труда»).

М. П. ЧЕХОВА

Письма к брату

Одним словом, успех огромный. На третьем представлении, т. е. на сегодняшнее, билетов уже ни одного. Только и говорят везде о твоей пьесе. Непременно тебе нужно написать еще одну пьесу.

Лилина, по-моему, все-таки утрирует, хотя в публиче имеет огромный успех. У Лужского тоже чего-то не хватает, но все остальные великолепны. Насчет Лилиной и Лужского еще можно и поспорить.

Михаилу Осиповичу Меньшикову. Приведу это письмо: «Был у меня Л. Н. Толстой, но поговорить с ним не удалось, так как было у меня много всякого народу, в том числе и Толстой».

и впечатление маленького человека. Очень просторно, несмотря даже на близкое соседство деревни». Так характеризовал Антон Павлович свою усадьбу шестьдесят два года тому назад в одном из писем к своим друзьям.

Впечатление миниатюрности усадьбы сохраняется и теперь. Небольшие аллеи посыпаны желтым песком и обсажены цветами, которые очень любил Чехов.

В левой части сада, почти скрытый кустами, стоит серый с белыми наличниками флигель. Чехов построил его для друзей, часто приезжавших в Мелихово, а потом перенес туда свой рабочий кабинет и спальню.

На стене домика — мемориальная доска: «В этом флигеле летом 1896 г. Антон Павлович Чехов написал пьесу «Чайка»».

В первой комнате — небольшая выставка: портреты и групповые снимки посетителей Мелихова, друзей писателя — Немировича-Данченко, Левитана, жены Чехова — Книппер-Чеховой, Шенкиной-Куперник, Мизиновой; фотографии писателя Немировича-Данченко, Чехову с просьбой отдалить «Чайку» Художественному театру; режиссерский эскиз «Чайки». Привлечены слова Немировича-Данченко о том, что в «Чайке» все навеяно Мелиховым.

Теплыми, восторженными словами рассказывают посетители о своих чувствах и мыслях, возникающих в Мелихово. Участники литературного кружка Центрального Дома культуры железнодорожников Е. Зубова написала о своих впечатлениях стихами:

Отсюда крыльями взмахнула «Чайка»,
Чтоб пелый мир огромный облететь.

Здесь каждый куст нам говорит о нем.
По этой липовой аллее он ходил.
Здесь он сидел с раскрытой книжкой
И ласково и просто говорил
Вот с этим стариком.
Тогда еще мальчишкой.

Этот мальчишка, теперь 70-летний старик Симанов Михаил Прокофьевич, — сторож музея-усадьбы. Бережно хранит он в памяти и охотно делится с посетителями воспоминаниями об Антоне Павловиче. Он часто повторяет:

— Ведь мы раньше не знали, что он писатель. Доктор в доктор. Разве б так нужно было его хранить? Помню, как сейчас, только еще он приехал, идет по саду, а мужики ему говорят: «Здравствуйте, барин». А Антон Павлович в ответ: «Я не барин, а доктор». И с тех пор мы все каждый со своей докукой к нему... До приезда Чехова у нас в селе не было ни одной школы. Антон Павлович построил три школы: одну у нас и две в соседних селах.

Мелиховские годы в жизни Чехова — время полного расцвета его дарования, период больших творческих успехов. Здесь им написаны «Палата № 6», «Дом с мезонином», «Моя жизнь», «Ионыч», «Черный монах», «Мужики» и другие произведения.

И. ОСМИНИНА.

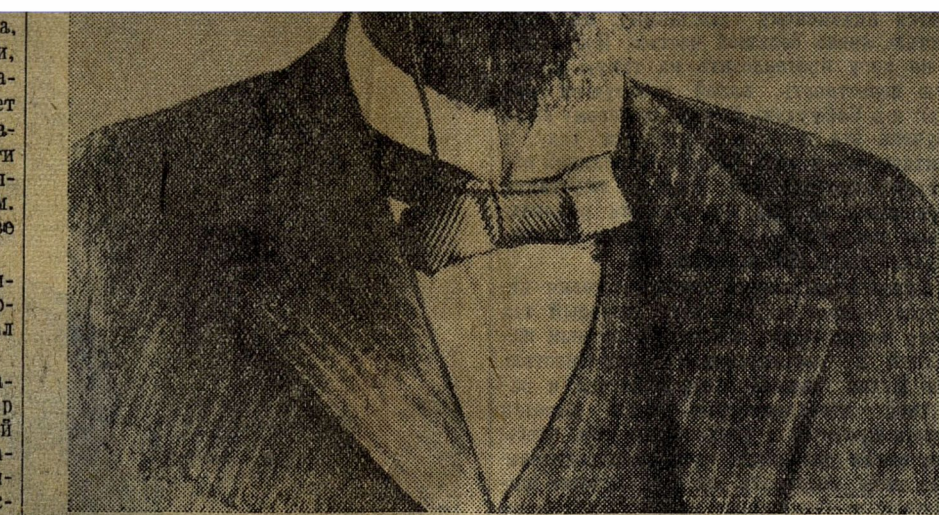
рожежской губернии, приказчик у купца, а потом владеец бакалейной лавки, разорился, когда Чехову было шестнадцать лет. С этого времени Чехов живет самостоятельным трудом. Мальчик в бакалейной лавке отца, а с шестнадцати лет — домашний учитель у богатых купцов, богатый по грошевым урокам. Чехов имел право сказать, что в детстве у него не было детства.

В 1879 году Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета, а в следующем году напечатал свои первые рассказы.

В трудное время начал Чехов литературный путь. За два года до того умер Некрасов, в ссылке были Чернышевский и молодой Короленко. Переболевшая литература испытывала неимоверный гнет цензуры. Царское правительство жестоко расправилось с революционным народничеством, а само народничество выродилось в жалкое, задушенное, либеральное направление. Среди буржуазной интеллигенции стала модной теория «малых дел», земских реформ, которые ничего существенного не могли внести в жизнь общества. Чехов должен был выступать в небольших юмористических журнальчиках, ставивших себе целью удовлетворять незатейливые запросы обывателя. За несколько лет молодой писатель приобрел известность талантливого юмориста, автора небольших по размеру рассказов, смешных фельетонов. Это была пора Антоши Чехонте, как подписывался тогда писатель под своими рассказами. Но сквозь смешные эпизоды и курьезные детали, на которые молодой Чехов был неистовым, наиболее чуткие современники улавливали нечто более значительное, понимая, как тонко и сильно художник разоблачает ложь и лицемерие буржуазного общества.

В одном из ранних своих рассказов «За яблочком» Чехов вывел омерзительную фигуру самохвоста-помещика, не имеющего права называться человеком. Чехов показывает полицейского надзирателя Очумелова, который, уподобляясь камелону, меняет свое суждение о законе в зависимости от личной выгоды («Камелон»). Гадкая ложь и угодничество помещика перед богатой соседкой-генеральшей («Симулянт»). Отвратительно рабское поветрие «тонкого» человека из рассказа «Толстый и тонкий», подхалимство чиновников из «Маски», которые, забыв о человеческом достоинстве, раболепствуют перед миллионером. Чехов освободил жанр маленького юмористического рассказа от мешанской пошлости и поднял его на уровень большой прогрессивной литературы.

Чеховский талант проявился с особой силой в рассказе «Унтер Пришибеев» и в еще более совершенном рассказе «Человек в футляре». С тех пор, как появился «Унтер Пришибеев», начали употребляться слово, рожденное Чеховым, — «пришибеевщина». Нарипательным стал образ Бели-

кова — «человека в футляре», — выражающий обывательскую трусость перед всем новым, боязнь живой жизни, ненависть к молодому, сильному, смелому. Поговорка Беликова «как бы чего не вышло» стала определением животного страха перед движением вперед, выражением тупого желания остановить жизнь.

Уже в первых рассказах писателя обнаруживается сочетание смеха и грусти, которое в дальнейшем окрасится в тона особенной, свойственной только Чехову, печали. Печальна судьба Ваньки Жукова, посланного письмом без адреса — «На деревню дедушке». Ужасно положение товарища Григория Петрова, замечательного мастера, потерявшего руки и сразу ставшего никому не нужным, пропавшим человеком. Трагична жизнь героини рассказа «На подвале», сельской учительницы, силы которой ушли на мелкие заботы «о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях» и у которой отнято даже право утешать себя мыслью, что она служит народу. Странную правду о жизни крестьян сказал Чехов повестями «Мужики» и «В овраге», развернув потрясающую картину беспробудной нужды деревенской бедноты, звериной жестокости богатеев, картину страданий, невежества и душевных мук.

Высмеивая пороки современного ему общества, Чехов пишет о труде, облагораживающем человека. «Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был», — говорит Ирина в пьесе «Три сестры», — и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторг». «Праздная жизнь не может быть чистой», — утверждает Астров из пьесы «Дядя Ваня».

Мы находим в творчестве Чехова полную галерею портретов людей труда. Показывая их роль в развитии общества, в создании культурных ценностей, он рисует благородство их души, обаяние их личности. «Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основа-

ния культуры, так глубоко и всесторонне, как Антон Павлович», — писал Горький о Чехове.

Во всем своем творчестве Чехов выступает врагом собственничества, разоблачителем несправедливости и мрачных неурядиц буржуазного строя. В условиях капитализма труд поруган, благополучие одних создается тем, что другие несут непомерное бремя эксплуатации. В рассказе «Случай из практики», обнажающем бессмысленный хаос капиталистического мира, Чехов, раздумывая над тем, что такое капиталистическая фабрика, пишет: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в нездоровой обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отрезываются от этого кошмара; сотни людей надзирают за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на записывание штрафов, на брань, несправедливости, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презирают плохую ситец».

Большое место в творчестве Чехова занимает проблема счастья. Писатель-демократ видел, что в условиях пришибеевщины, торжества «мордастой пошлости», дикого разгуда неправды счастье у человека отнято. «Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто?» — говорит в рассказе «Счастье» старый пастух. — Так и пропадет добро забором, без всякой пользы, как полена или овечьей пометы! А ведь счастья много, так много, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видят его ни одна душа!».

Но Чехов не только говорил о невозможности счастья для тех, кто трудится в условиях капитализма. Он с замечательным вдохновением сказал о счастье, которое будет, которое придет и на которое имеет право трудящийся человек. Либеральным настроениям, распространенным среди буржуазной интеллигенции конца XIX века, народнической теории «малых дел» писатель противопоставил

стремление людей к будущей свободной жизни.

По свидетельству многих современников писателя, он в последние годы жизни, уже больной, прикованный к постели, проявлял глубочайший интерес к надвигающимся революционным событиям. Не случайно была его близость к Горькому, революционное значение творчества которого ярко обнаружилось уже при жизни Чехова.

Чехов не представлял себе конкретных путей и движущих сил революции, но его письма тех лет и воспоминания современников свидетельствуют о горячем желании понять характер нового общественного подъема, о глубоком интересе к тем новым силам, которые вступали на историческую арену.

Советское литературоведение опровергло ложь буржуазной критики об общественной пассивности Чехова, о его безразличии к вопросам современности и установило подлинное научное понимание его творчества.

Чехов разработал и утвердил новую литературную форму, форму короткого психологического рассказа, а своими пьесами создал новый, чеховский театр, изгнав со сцены все театральное-условное, нежизненное. Рассказы и повести Чехова лишены пространного описания, ненужных подробностей в характеристике героев. В его рассказах человеческие переживания выражены в предельно экономной, простой и ясной форме. «Как стилист», — писал Горький, — Чехов недосыпаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов».

В развитии русской общественной жизни Чехову принадлежит особое место. Он занимался исследованием Салахиана, который в царское время был местом каторги и ссылки, участвовал в народной переписке, заботился о постройке школ, работал врачом в деревенской больнице.

Вместе с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко А. П. Чехов участвовал в создании программы молодого тогда Московского Художественного театра.

Пятидесятилетие со дня смерти великого русского писателя А. П. Чехова по решению ноябрьской сессии Всемирного Совета Мира отмечается во всех странах. В этом выражено признание Чехова сотнями миллионов людей, для которых он является не только великим художником, но другим и соратником в борьбе за мир, против чужденнического насилия тех, кто готовит массовое уничтожение народов. Все, кому дороги завоевания мировой культуры, кто хочет, чтобы мир процветал во всем мире, кто борется за то, чтобы никогда не возникало больше уничтожающее пламя войны, тот чтит память великого сына русского народа Антона Павловича Чехова.

А. КОТОВ.

своим поэтичным портретом Сергея Ивановича Танеева.

После двухчасового чтения, во время которого Чехов слушал чрезвычайно внимательно, в кабинете Толстого завязалась оживленная беседа. Чехов принял горячее участие и сделал ряд замечаний, с которыми Толстой вполне согласился.

Это был единственный приезд Антона Павловича в Ясную Поляну. Два великих писателя холили в парк, к реке Воронья.

«Я чувствовал себя легко, как дома», — вспоминал потом Чехов в одном из писем, — и разговоры наши с Львом Николаевичем были легкими».

После отъезда Антона Павловича Толстой сообщал своему сыну:

«Чехов был у нас и он понравился мне. Он очень даровит и сердце у него, должно быть, доброе».

Впоследствии Антон Павлович всем сердцем стремился в Ясную Поляну, но приезд не состоялся...

Друзья двух замечательных художников слова непрерывно крепла. Толстой высоко ценил талант Чехова, назвав его «Пушкиным в прозе».

«Чехова он любил, и всегда, глядя на него, точно глядя на лицо Антона Павловича, взглядом своим, почти нежным в эту минуту», — пишет Горький в своих воспоминаниях.

Работая в Ясной Поляне над «Кругом чтения», Толстой включил в него два рассказа Чехова — «Душечка» и «Беглец». В первом он написал в 1905 году послесловие, где отмечал высокие художественные достоинства этого рассказа.

Горячей любовью отвечал Толстому и Чехов.

В чеховские дни в Ясной Поляне открылась выставка «Толстой и Чехов». Ее уже осматрели тысячи посетителей. В одной из комнат литературного музея взгляд привлекают два больших знакомых портрета великих писателей. Рядом в рамках — отзывы автора «Войны и мира» о Чехове и автора «Вишневой сады» о Толстом. Внизу, на большом стекле за стеклом — кисти Чехова с карандашными пометками Льва Николаевича.

Большой интерес представляют портреты Льва Николаевича, подаренные им Чехову, и красочные иллюстрации. Вот портрет с надписью: «Дорогому Антону Павловичу Чехову. Лев Толстой». Вот картина Л. О. Пастернака, показывающая уголок сада Яснополянского дома, где Толстой читал вслух произведения Чехова. Один из больших фотографий, в котором А. П. Чехов писал О. Л. Книппер: «С. А. Толстая сняла Толстого и меня на одной карточке, я выпрошу у нее и пришлю тебе».

Ежедневно тысячи посетителей приезжают в Ясную Поляну. С глубоким интересом осматривают они экспонаты музея, все места, связанные с жизнью и творчеством Антона Павловича Чехова и его дружбой с Львом Толстым.

Г. ВОСКРЕСЕНСКИЙ.

ТУЛА, (Корр. «Труда»).

М. П. ЧЕХОВА

Письма к брату

К пятидесятилетию со дня смерти А. П. Чехова Государственное издательство художественной литературы выпускает в свет книгу «Письма Мария Павловны Чеховой к брату А. П. Чехову».

В этих письмах содержатся биографические детали из жизни Чехова, отражены отдельные периоды его творчества, обрисованы взаимоотношения с известными писателями, артистами, художниками.

В ряде писем Мария Павловна говорит о том большом внимании, которое проявлял Чехов к вопросам народного образования, о его любовном отношении к детям. Целый ряд писем рассказывает о Художественном театре, о его отношении к Чехову и первых постановках пьес великого русского писателя.

После писем даются комментарии Мария Павловны Чеховой, ее воспоминания.

Ниже мы печатаем выдержки из этого впервые публикуемого сборника. Письма печатаются в сокращенном виде.

18 декабря 1899, Москва.

Вчера шла твоя «Чайка». Поставлена она прекрасно. Первое действие прошло вполне понятно и интересно. Актрисы, мать Треплева, играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливая удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать. Доктор, Треплев, учитель и Мама были превосходны. Не особенно мне понравились Тригорин и сама Чайка. Тригорина играл Станиславский вало, а Чайку — плохая актриса, но в общем поставлена так жизненно, что по-настоящему забываешь, что это сцена. В театре была тишина, слушали внимательно.

После первого акта стали вызывать тебя, а когда Немирович объявил, что тебя в театре нет, то все, особенно в партере, закричали: «Так надо ему посылать телеграмму». После третьего действия опять шум и овации артистам и вызовы автора. Тогда Немирович произнес: «В таком случае позвольте мне послать

автору телеграмму». Из публики: «Простим, простим».

Знакомых было очень много, я немного волновалась, но было весело, все поздравляли с успехом, говорили приятные слова по твоему адресу и т. д.

5 января 1899, Москва.

Ты почему-то перестал мне писать? Как идут постройки на участке? Ваня, конечно, все расскажет, ждем его приезда с ветерпением. В Мелихово начали возить лес на колхозу. Песок уже привезли. Камень еще нет. Просят за кубик камня 17 руб. Я нахожу, что это дорого. Староста и Роман хотели еще поехать в Горки поторговаться. За два кубика песку заплатила 23 руб. Талейская учительница прислала плаксивое письмо, все жалуются, конечно, просит денег. Но дело в том, что я никак не могу с ней уговориться насчет получения от меня денег. Назначу ей свидание в мелиховской школе — она не придет, в учительнице тоже не едет. Уж я послала ей денег с нарочным.

...«Чайка» производит фурор, только и говорят, что о ней. Билетов достать нельзя, на афишах печатают каждый раз «Билеты все проданы». Мы живем около Эрмитажа-театра, и когда идет «Чайка» или «Парь Федор», то мимо наших окон извозчики медленно едут непрерывным гуськом, городские кричат. В час ночи пешеходы громко говорят о «Чайке», и я, лежа в постели, слышу все это.

31 октября 1899, Москва.

Первое представление «Дяди Вани» было, по словам публики и самих артистов, хуже генеральной репетиции. Это оттого, что артисты боялись, как никогда. Книппер, когда я ее в первый раз увидела, была страшно взволнована. Вишневецкий тоже. Я была на втором представлении. Играли так удивительно, что я вполне согласна с твоей симпатией Катички Немирович, которая обратилась к актерам с такими словами: «Вы играли сегодня, как маленькие боги». Первое и второе действие я чувствовала умиление и плакала от удовольствия. Прислали за мной, чтобы шла за сцену. Встретил меня сияющий Немирович, а потом и остальные вышли из своих норок-уборных, и пошли самые теплые приветствия. Я не могла, конечно, не выразить своего удовольствия по поводу их великолепной игры, особенно игры Алексеева, который лучше всех. Книппер и Лилина очень милы. Хорош Артем — лучший Вафля быть не может.

Третье действие мне понравилось меньше, хотя всем нравится, суетни слишком много. Посмотрю еще раз. Четвертое — опять производит сильное впечатление.

Одним словом, успех огромный. На третье представление, т. е. на сегодняшнее, билетов уже ни одного. Только и говорят везде о твоей пьесе. Непременно тебе нужно написать еще пьесу.

4 февраля 1901, Москва.

Милый Антоша, я написала тебе в Алжир и ты, конечно, не получил моего письма. Я была на первом и втором представлении твоих «Трех сестер». Очень, очень интересно. Пьеса прелесть. Поставлена хорошо, хотя местами можно было бы и лучше для Художественного театра. Солений публике очень нравится. Играют почти все хорошо. Книппер хороша. Савицкая играет благородно в высшей степени. Желябужская славнейшая, молоденькая Ирина, очень трогательная. Но

С Л. Н. Толстым я виделась дважды. В апреле 1899 года Антон Павлович, вернувшись из Ялты в Москву, жил в моей квартире на М. Дмитровке в доме Шенкова. Однажды в конце апреля, когда у Антона Павловича в гостях было несколько знакомых, среди них артисты А. Л. Вишневецкий и А. И. Южин, раздался звонок. Я пошла открывать. И вдруг вижу небольшого роста старичка в легком пальто. Я обомлела — передо мной стоял Лев Николаевич Толстой. Я его узнала сразу же, только по портрету Репина он представлялся мне человеком крупным, высокого роста.

— Ох, Лев Николаевич... это вы?! — смущенно встретила я его. Он ласково ответил: — А это сестра Чехова, Мария Павловна? Он вошел в прихожую. Я хотела взять

*) Поездка в Алжир не состоялась.

Лилина, по-моему, все-таки утрирует, хотя в публиче имеет огромный успех. У Лужского тоже чего-то не хватает, но все остальные великолепно. Насчет Лилиной и Лужского, быть может, я и не права. Успех пьесы огромный.

Второе представление вышло пьесу в совершенстве. «Три сестры» гораздо лучше «Дяди Вани» и даже, пожалуй, — «Чайки». Уже нет ни одного билета на все шесть будущих представлений...

22 ноября 1901, Москва.

Дорогой Антоша, я по совету Е. З. Конищера сегодня же телеграфировала Перфильеву, чтобы она немедленно прислала доверенного получить обратно деньги за Кучукой.

...Поклонись Л. Н. Толстому, если он помнит меня, и Горькому.

его пальто, но Лев Николаевич отстранил мою руку.

— Нет, нет, я сам.

Я повела Льва Николаевича в кабинет к брату. С порога я не удержалась многозначительно сказать:

— Антоша, знаешь, кто к нам пришел?

В кабинете брата в это время шел громкий разговор. Вишневецкий всегда имел обыкновение громко говорить, чуть не кричать. Брат был смущен обстановкой, в которой ему пришлось принимать Толстого. Им так и не удалось как следует поговорить. Лев Николаевич пробыл недолго и ушел.

На другой день к нам на Дмитровку зашла дочь Толстого Татьяна Львовна. Меня дома не было. Татьяна Львовна переклала мне через брата приглашение побывать у них. Как все это было и как я реагировала на приглашение, Антон Павлович рассказывал в письме к журналисту

Михаилу Осиповичу Меньшикову. Приведу это письмо:

«Был у меня Л. Н. Толстой, но поговорить с ним не удалось, так как было у меня много всякого народу, в том числе два актера, глубоко убежденные, что выше театра нет ничего на свете. На другой день я была у Льва Николаевича, обедал там. Татьяна Львовна была у меня до обеда, сестры не застала дома. Она сказала мне: — Михаил Осипович писал мне, чтобы я познакомилась с вашей сестрой. Он говорил, что мы многому можем научиться друг у друга».

Вернувшись после обеда домой, я передал эти слова сестре. Она пришла в ужас, замахала руками: «Нет, ни за что не поеду! Ни за что!».

То, что Татьяна Львовна может у нас поучиться, так испугало ее, что по сей пор я все никак не могу уговорить ее поехать к Татьяне Львовне — и мне неловко. И, как нарочно, сестра все время не в духе, хандрит, утомлена, и настроение у нас вообще неважное».

Через несколько дней я все же по настоянию Антона Павловича поехала к Толстым в Хамовники. Я пошла к ним в то время, когда все семья обоевала. Не желая мешать им, я не стала входить в дом и положила во дворе. Помню, как мимо меня все время проходили какие-то люди с пачками книг и кула-то уходили. Наконец, вышла Татьяна Львовна и пригласила меня пройти в сад. В саду была искусственная горка, какие раньше устраивались в старинных садах, со скамейками. Там я встретила Льва Николаевича, художника П. Н. Ге и еще кого-то. Лев Николаевич был таким же приветливым, как и тогда, когда был у нас.

После этого я с Толстым не встречалась. Почему и написала брату, чтобы он передал поклон жившему в Гаспре Толстому, «если он помнит меня».